

18+

А С У Р

Сергей Михайлович Кулагин

Абсурд. Сборник рассказов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64576131

ISBN 9785005348111

Аннотация

Люди довольно часто используют слово «абсурд», подразумевая под этим нечто нелепое, противоречащее здравому смыслу и какой бы то ни было логике. Так оно и есть. Но при этом надо отличать абсурд от бессмыслицы. Абсурдное высказывание осмысленно (то есть, это не бред) и противоречиво, поэтому его можно оценивать с точки зрения логики как ложное. Читайте, наслаждайтесь, в данном сборнике смысла больше, чем в окружающей нас реальности.

Содержание

Сборник рассказов «АБСУРД»	7
ОТ СОСТАВИТЕЛЯ	7
ГАЛИНА ПЕТАЙКИНА. ШАЛОСТЬ	10
ИРИНА ЗАБЕЛЫШЕНСКАЯ. ПОЧТИ КОСМИЧЕСКАЯ АПУПЕЯ	14
ГРИГОРИЙ РОДСТВЕННИКОВ. НИКОЛАЙ КАДЫКОВ. МАЛЕНЬКОЙ ЕЛОЧКЕ ХОЛОДНО ЗИМОЙ	25
ГРИГОРИЙ РОДСТВЕННИКОВ, САША ВЕСЕЛОВ. УРАВНЕНИЕ С ДВУМЯ НЕИЗВЕСТНЫМИ	37
ВИКТОРИЯ РАДИОНОВА. СКАЗКА О СПЯЩЕМ ДЯДЕНЬКЕ	42
АЛЕКСЕЙ ГРИГОРОВ. ГЛЯДЯТ С НАДЕЖДОЮ НАРОДЫ	53
ГРИГОРИЙ РОДСТВЕННИКОВ, САША ВЕСЕЛОВ. СКАЗКА ПРО МЫШЬ СЕДЬМОЙ НОЛЬ. СОВРЕМЕННЫЕ ТРУДНОСТИ	63
ЮРИЙ ТУБОЛЬЦЕВ, ДИАЛЕКТИК. СЕ ЛЯ СЕЛФИ	73
СЕРГЕЙ КУЛАГИН. ВСЕГО ЛИШЬ	81
СЕРГЕЙ КУЛАГИН. ОСТАНОВКА ИЛИ	86
	89

МУХИ 2	
ГРИГОРИЙ РОДСТВЕННИКОВ, САША	93
ВЕСЕЛОВ. НИЧЕГО КРОМЕ ПРАВДЫ	
ЛАНИДА СОКОЛОВА. БЕЗУМНАЯ ОХОТА	98
Конец ознакомительного фрагмента.	99

Абсурд

Сборник рассказов

Редактор Сергей Михайлович Кулагин

Иллюстратор Юлия Ростовцева

Дизайнер обложки Алексей Григоров

Иллюстратор Полина Самородская

Иллюстратор Евгения Суханова

Иллюстратор Татьяна Ражева

Иллюстратор Григорий Родственников

Иллюстратор Светлана Максимовская

Иллюстратор Рената Каман

Иллюстратор Валерия Радионова

Иллюстратор Сергей Захаров

© Юлия Ростовцева, иллюстрации, 2023

© Алексей Григоров, дизайн обложки, 2023

© Полина Самородская, иллюстрации, 2023

© Евгения Суханова, иллюстрации, 2023

© Татьяна Ражева, иллюстрации, 2023

© Григорий Родственников, иллюстрации, 2023

© Светлана Максимовская, иллюстрации, 2023

© Рената Каман, иллюстрации, 2023

© Валерия Радионова, иллюстрации, 2023

© Сергей Захаров, иллюстрации, 2023

ISBN 978-5-0053-4811-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Сборник рассказов «АБСУРД»

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Сергей Кулагин

Сборник посвящён творчеству Григория Родственникова, а так же его соавторам и друзьям. В сборник вошли рассказы конкурса «Абсурд» – организатор сообщество ВКонтакте «Леди, Заяц & К».

Люди довольно часто используют слово «абсурд», подразумевая под этим нечто нелепое, противоречащее здравому смыслу и какой бы то ни было логике. Так оно и есть. Но при этом надо отличать абсурд от бессмыслицы. Абсурдное высказывание осмысленно (то есть, это не бред) и противоречиво, поэтому его можно оценивать с точки зрения логики как ложное.

Целый месяц авторы придумывали и сочиняли рассказы, а художники, вдохновлённые их творениями, рисовали. В итоге появился иллюстрированный сборник, наполненный абсурдистскими произведениями, с выдуманными героями, параллельными мирами, экспериментами над животными, фантастическими тварями, космическими самогонщиками и даже вампирами.

Отдельная благодарность Алексею Григорову за обложку, Юлии Ростовцевой за серию рисунков, подготовленных специально для сборника.

Читайте, наслаждайтесь, в данном сборнике смысла больше чем в окружающей нас реальности.

*Сергей Кулагин,
февраль 2021 года*

ГАЛИНА ПЕТАЙКИНА. ШАЛОСТЬ

Логотип группы ВКонтакте «Леди, Заяц & К»

Сергей Кулагин смотрел в окно и размышлял: «Быть или

не быть?» В смысле, каким рассказам быть в сборнике, а каким путь туда заказан. Заяц заглянул Кулагину через плечо и зловеще прошипел:

– Напишшши про меня, Ссссергей!

– С ума сошёл? – нахмурился Кулагин.

– А что такого? Вон, Корней Чуковский про таракана написал, а я, между прочим, целый заяц. Хочешь, уши покажу?

Смотреть на уши Сергей не желал, поэтому вопрос проигнорировал.

Пока друзья препирались, Леди пила чай из чашки тонкого фарфора, «оставив мизинчик», как умела только она и английская королева, но Елизавета находилась в Великобритании, поэтому, в наших краях, кроме Леди так не делал никто.

– «Однажды Лебедь, Рак да Щука», – задумчиво протянул Сергей.

– Ну при чем тут Щука? – Леди приподняла тонкую бровь. У неё вообще все было тонкое и изящное.

– Верно ты говоришшшшь! Ззззачем нам щщщуки, когда ессть зззайцы, – вновь прошипел Заяц.

– Слушай, а ты чего шипишь-то? – заинтересованно взглянул на ушастого Сергей.

– А вот такой я абсссурдный заяц: хочу шшшиплю, хочу – не шшшиплю.

– Да, не те нынче зайцы пошли... Вот, помнится, в восемнадцатом веке все воспитанными были. Пойдёшь бывало

на охоту, так они сами падают и в штабеля укладываются, – весомо заявила Леди.

– А ты откуда знаешь, что было в восемнадцатом веке? – хмыкнул Кулагин. Леди обиделась и молча отвернулась от друзей. Она всегда молча обижалась, как истинная леди.

– А вы знаете, что у пингвинов есть колени и весьма длинная шея? – вдруг поинтересовался Сергей.

– При чём здесь пингвины? – ради такого Леди даже решила прервать молчание.

– Просто так... Абсурд же! Пингвины, а тут вдруг шея длинная. Это ж тебе не лебедь!

– И не заяц, – вновь вклинился собственно Заяц.

– Слушай, тебе что, в текстах абсурда не хватает? Пингвины, шуки какие-то... – возмутилась Леди.

– В, текстах хватает. На сборник уже насобиралось. «Я ведь давно эту белую книгу читаю, этот, с картинками выюги, старинный букварь». Эх, на меня зимой всегда накатывает, – тоскливо вздохнул Кулагин.

– Что на тебя накатывает? – пристально взглянула на друга Леди.

– Каррррр! Абсуррррд! Полнейший абсуррррд! – картаво прокаркал Заяц.

– Тихо ты! Накаркаешь ещё, – шикнула на него Леди.

– А вот! Не хотел про зайца писать, пусть теперь про ворона пишет, – злорадствовал Заяц. – «Чёррррный ворррон, чёррррный ворррон, что ты вьёшься надо мной?»

– «Ты добычи не дождёшься...», – хором подхватили друзья.

– Так и живём, – вновь вздохнул Сергей.

ИРИНА ЗАБЕЛЫШЕНСКАЯ. ПОЧТИ КОСМИЧЕСКАЯ АПУПЕЯ

Рисунок Юлии Ростовцевой

Жила-была... Нет, не так! Жили-были Иришка и Ириска. Были они не разлей вода. В буквальном смысле. Хоть водой разливай, хоть топором разрубай, хоть по разным углам разгоняй – результата полный ноль. И всё потому, что были они там же, где и жили – у волшебного на всю голову создания. У кого-то в голове тараканы, у кого-то мухи, а у кого-то другая живность. Так вот здесь место живности заняли две противоположные идентичности, составляющее одно целое в физической ипостаси гетерохромного амбидекстера.

Иришка была мечтательной и романтической. И совсем непрактичной, получая то и дело от жизни пыльным мешком из-за угла и чудом миллиметруя от летящих на голову кирпичей. Ириска была той ещё конфеткой. О которую крошатся зубы и прибывает работы стоматологам. Впрочем, психологам тоже, как и психиатрам.

Как-то летним вечером Иришка-Ириска сидели на качелях, задрав голову к звёздному небосводу в поисках то ли Большой медведицы, то ли братьев по разуму.

– Я вот всё думаю, что, если... – прикрыла правый карий глаз Иришка и накрепко задумалась минут на пять с четвертью.

– Ну и? – сердито зыркнула левым зелёным глазом Ириска, которой надоело ждать окончательной формулировки мысли.

– Если посмотреть вон на тот тополь, самый высокий, за гаражами, и поднять глаза влево вверх на тридцать восемь градусов, потом закрыть правый глаз и глядеть только левым, то можно увидеть то место, где за семьсот восемьдесят тысяч парсек простирается Туманность Андромеды! – мечтательно вглядывалась в небо Иришка.

– Да хоть Проксима Центавра! – рывкнула Ириска, – опять понеслась со своей космической апупей!

– Люблю я космос! И апуpei тоже! – вздохнула Иришка и вдруг прищурилась. – Ой, а что это там пролетело над тополем? Слышишь, бумкнуло?

– Братья по разуму, не иначе! Сестра-то у тебя уже есть! – выразительно постучала по виску Ириска. – Очки бы надела! Это туча. Похоже, дождь собирается.

– Что ты всегда банальной реальностью всё портишь! – покачала головой Иришка. – Вот представь: в далёком-далёком космосе, там, где вечный холод и вакуум, бороздят просторы Вселенной космические крейсера. Летают они ужас с какой скоростью, преодолевая расстояние от планеты к планете. И когда такой звёздный крейсер прошмыгивает над нашей землёй, только шлейф от прошмыгивания видят люди. Они думают, что это упала звезда и надо загадать желание!

– А звездёй на небе много! – съехидничала Ириска. – Столько, что ни в сказке сказать, ни пером описать. Только на клавиатуре настучать да мышкой понатыкать!

Иришка иронически скривила губы и пошла заваривать

травяной сбор. Для прочистки чакр. И мозгов. С помощью Ириски это получилось гораздо быстрее. Чисто хоббит – туда и обратно! Попивая на качелях чай с подозрительно плавающими соцветиями, Иришка поглядывала в ночную тьму за гаражами в надежде выцепить гетерохромным зрением то, что там упало – ведь бумкнуло же! Она даже надела прихваченные из кухни мультифокальные очки, чтобы лучше видеть. Хотя сейчас больше быгодились инфракрасные – их она тоже прихватила, сунув в задний карман джинсов. Но Ириска сломала их (очки, не джинсы), неудачно опустившись на качели тем местом, на котором сидят. Почувствовав дискомфорт, она вытащила остатки покорёженных очков:

– А это что за фигня?

– Не фигня, а фиговина! – поправила Иришка хорошо поставленным учительским тоном.

– Цыц, грамотейша! Всё-то она знает! – буркнула Ириска.

– Будешь огрызаться, устрою практическую работу по великому и могучему! И будешь триста пятьдесят раз писать каллиграфическим почерком синонимы всякой фиговины: ахинея, пустяк, чепуха, чушь, дребедень, бредятина, хреновень, бред сивой кобылы, нелепость, вздор, бред собачий, чушь... тоже собачья (да, а почему не кошачья?), околесица, ерунда, абсурд, галиматья!

– Чья-чья мать, Гали? – уточнила Ириска. – Вот всегда знала, что у Гали в голове одна фигня!

А в это время из-за гаражей поднялось нечто расплывча-

тое, состоящее из непонятной субстанции. Оно некоторое время подёргалось в конвульсиях, вспыхивая изумрудно-бирюзовым, растянулось параллелепипедом и сжалось в тугий знак бесконечности. Подёрнувшись непроглядной мглой, мягко засветилось розовым, перетекая из колец в сферу и обретая форму человеческого силуэта.

– Ни фига себе фиговина! – присвистнула Ириска.

– Что за фигня? – озадаченно поправила оправу на переносице Иришка.

Силуэт оформился широкими плечами и мощным торсом, затянутыми в кожаную косуху. Всё остальное тоже имело кожано-заклёпочный вид, заканчиваясь тяжёлыми ботинками на толстой подошве. Объект наблюдения развернулся на сто восемьдесят градусов и пошагал в сторону Козьего болота.

– Какой-то он не такой! – задумчиво произнесла Иришка.

– Не такой – это какой? Из этих, с «ориентацией север»? – ехидно вставила Ириска.

– Эскимос, что ли? – недоумённо моргнула Иришка.

– Сама ты эскимоска! – махнула рукой Ириска. – Приглядись – одет-то он вроде и по-мужски, но всё одно, как не от мира сего! Чисто с другой планеты! И на Козье болото пошёл, а разве нормальный мужик туда пойдёт?

– Так может он того... не эскимос! А инопланетянин! – сделала умозаключение Иришка.

Где-то вдали над лесом прогремел салют из метеоритов,

красиво поджигая ели и сосны. Вспугнутые вороны стаи резко взвились вверх и с громким карканьем стартовали от греха подальше под углом в сорок пять градусов на юг.

– Картина Шишкина «Грачи прилетели», – хмыкнула Ириска.

– Не Шишкина, а Саврасова, бестолочь! – не выдержала неуважения к классике Иришка.

– Твой бы уровень развития интеллекта да в мирное русло! – вздохнула Ириска. – А давай за этим, который не эскимос, проследим! Вдруг и правда брата по разуму вычислим!

– А сестры тебе, стало быть, уже не хватает? Эх, засиделась в девках, вот и чудись! – Иришка хлебнула из чашки.

– Где засиделась? – воинственно подбоченилась Ириска.

– А нигде! – оборвала намечающееся выяснение отношений Иришка. – Вот как-то на Альфа-Центавре...

– Чай допивай, а то остынет! А я на Козье болото! – резко вскочила Ириска, не слушая продолжение космооперы.

– Иду уже! Вот оглашённая! – Иришка брякнула кружку на сиденье качелей.

А вороны каркали не зря. С угла в сорок пять градусов хорошо просматривалось Козье болото, над которым сгущались тучи. Но вороны обладали соколиным зрением и тучи им были не помеха. Вернее, это были не тучи, а выхлопы двигателя НЛО с планеты Шибочёнферидикулюс с негуманоидными пришельцами на борту. Пятисантиметровые разумные сгустки внеземной субстанции, способные принимать желе-

мую форму, впервые столкнулись с землянами на МКС. Там они изучали пищу космонавтов, прикинувшись лабораторными бабочками-репейницами. Тюбики с борщом, мясным пюре и вишнёво-виноградным соком очень им понравились, и они начали подумывать о визите на Землю. Но решающим фактором стал творог с облепиховым пюре в тубике! Участь землян была предрешена – им грозило полное и безоговорочное вторжение! Мимикрировав под земных животных и даже людей, шибочёнферидикулюсы (или шибочёнферидикулюсиане?) провели разведку продуктовых запасов и меню ресторанов, кафе и прочих забегаловок.

В эту решающую ночь к негуманоидному НЛО стекались все разведчики, готовясь объединить силы и таки завоевать все заведения с мишленовскими звёздами и без, «Макдональдсы» и «Старбаксы», «Бургер Кинги» и пиццерии.

Ириска устремилась по пятам типа гражданской наружности со скоростью газели. Не той, которая возит пассажиров, а парнокопытной. Проскакав практически галопом с три квартала, покинув городскую черту и уже приближаясь к окраине Козьего болота, она вдруг резко остановилась.

– Стой! Дай отдышаться! Не кросс же на уроке физкультуры сдавать! – Иришка запыхалась, но её била дрожь. – Холодно! Надо было кофту вязаную надеть!

– Ты что? Лето на дворе! Вон на стене торгового центра градусник миновали – там всё точно, в Фаренгейтах! Да и пробежка мышцы разогрела! – удивилась Ириска.

– Лето? Точно. Ну тогда это она сработала. Интуиция, – поёжилась Иришка.

– Интуиция? И на что это она у тебя сработала? Что ты такая пугачая, будто всю жизнь в санатории «Солнышко» провела?

– Чую ветер перемен! – многозначительно плюнув на палец и подняв его вверх, провозгласила Иришка.

– Тю! У нас этот ветер перемен всегда после обеда начинается! – махнула рукой Ириска.

– Не такой. Этот точно с Альфа-Центавры! Или где-то в паре парсек рядом! – утвердительно кивнула Иришка.

А интуиция таки сработала, как сигнализация. В это самое время на Козьем болоте тучи сгустились ещё больше – то завоеватели-пришельцы врубили реакторы двигателей на полную мощность, готовясь шандарахнуть волной панической атаки по ничего не подозревающим землянам. Над Козьим болотом замелькали зловещие силуэты из инопланетной субстанции, взмахивая трёхметровыми шипастыми крыльями и ощерив зубастые пасти.

– Фантастические твари покинули места обитания! – иронично хмыкнула Ириска.

Отступить было в общем-то и некуда. Над Козьим болотом творилось далак знает, что. Мужик в косухе зачем-то махал руками, разгоняя тучи. Чёрные и рваные. НЛО трясся и подпрыгивал, извергая новые партии копий силуэтов в стиле лучших традиций голливудского хоррора. Повеяло гарью

и химикатами.

– Oeri ta rey fahew akewong ontu teya Ingu, – прошептала Ириска на на’ви. Сие замысловатое выражение означало: «Мой нос полон его инопланетного запаха». Ириска и сама не поняла, почему вдруг произнесла эти слова.

– Тучи мглою небо кроют... – вдруг начала декламировать Иришка.

– Опять начинается! – покрутила у виска Ириска. – Что-то участились у тебя сдвиги реальности!

– А вот тут ты не права! Смотри, что там за диво-дивное? Не иначе Змей Горыныч пожаловал!

В сторону Козьего болота и впрямь летел неизвестный науке зверь.

– Фалькор мохнатый обыкновенный. Дотракийский период, подвид собачьи, – приглядевшись, определилась с породой приближающегося представителя галактической фауны Ириска.

Летающее существо приблизилось. Фалькор сделал круг над Козьим болотом, снизился на уровень НЛО и раскрыл огромную пасть, плавно втягивая всех фантастических тварей, мужика в косухе, негуманоидных завоевателей вместе с НЛО, а заодно рваные тучи и чёрные облака. Потом взмыл ввысь, помахал ушами и скрылся в заоблачной дали, оставив над Козьим болотом чистое звёздное небо.

– Он улетел, но обещал вернуться! – всплакнула Иришка, получив телепатически мысли Фалькора.

– Герои не ждут награды! – патетически воскликнула Ириска.

На Козьем болоте делать было больше нечего, можно было возвращаться домой. Неторопливо, сменив скорость гатели на прогулочный шаг. Но шагать в темноте, подсвечиваемой лишь звёздами и светлячками оказалось чревато последствиями.

– Ой, я на бабочку наступила! Что теперь будет! – с выражением ужаса на лице Иришка держала за крыло репейницу, внезапно распавшуюся мелкой пылью, осевшей на торфяную почву.

– Будем надеяться, что ничего – эффект бабочки уже произошёл и рассыпался на атомы! – подмигнула Ириска.

– Смотри-ка, что это за книжка? – подняла с земли какой-то фолиант Иришка. В руках оказался трактат «Манускрипты Ливермория», издание на чистом галлифрейском.

– А давай завтра с этим разберёмся! Сил нет читать погаллифрейски без словаря! – зевнула Ириска.

Дом родной встретил тишиной. Сон сморил, лишь голова коснулась подушки. Ночь принесла то ли забытьё, то ли кошмары, то ли фрагменты пережитого. Но всё это длилось ровно час и двадцать три минуты. Потом в голове застучало, зазвенело, задействуя оба полушария мозга, и левое, и правое. Все извилины, заполненные не только серым, но и серобуропопшкарябанным в крапинку веществом, заработали одновременно. Ириска-Иришка будто в одно и то же время ката-

лись на качелях, неслись галопом к Козьему болоту и летели на Фалькоре по поднебесью, читая на галлифрейском в оригинале и распевая мантры на на'ви. Все ощущения, впечатления, переживания, радости и сомнения навалились одновременно. Было чувство погребения под снежной лавиной. Точнее такое, когда увязают в болоте.

В сморенной Морфеем голове появился он. Молот Тора висел в вакууме, призывно поблёскивая металлом. Нужно было лишь мысленно потянуться к нему, ощущая великую силу, а заодно порох в пороховицах. Удар – и пространственно-временной континуум разбит, разрушая диссоциативное расстройство идентичности. Серобуропошкарябанное в крапинку вещество испарилось, оставив лишь серое, собрались в кучку мозги!

Дыхание выровнялось, сон стал спокойным и глубоким. Кем проснётся это волшебное на всю голову создание? Об этом знает лишь пролетающий над крышами города Фалькор, хитро усмехаясь.

**ГРИГОРИЙ РОДСТВЕННИКОВ.
НИКОЛАЙ КАДЫКОВ.
МАЛЕНЬКОЙ ЕЛОЧКЕ
ХОЛОДНО ЗИМОЙ**

Рисунок Полины Александровны Самородской

– Маленькой ёлочке холодно зимой, – напевал Дед Мороз, стоя в небольшой кладовке. Он собирал с полки инструменты и раскладывал их по карманам.

– Заткнись уже, старый! – раздался из комнаты визгливый голос Жены. – Я телевизор смотрю, а ты мне мешаешь!

Дед поморщился, вышел из кладовки и пошёл на кухню. Там готовила ужин маленькая девочка, внучка Деда – Снегурочка. Она чистила картошку и бросала её в кастрюлю с водой.

– Собирайся, внученька, – сказал Дед. – Придём – закончишь. Пора нам на дело, стемнело уже.

– Мама сильно ругалась, что есть хочет, а ужин не готов, – тихонько ответила Снегурочка.

– Мама твоя заснёт скоро, уже бутылку усадила, – нахмурился Дед и погладил длинную седую бороду. – Вернёмся – разбудим.

Девочка кивнула и пошла в свою комнату. Через пять минут она вышла, одетая в пятнистый комбинезон с капюшоном. Дед оглядел внучку, велел попрыгать, убедился, что ничего у неё в карманах не звенит, после чего оба покинули дом, аккуратно закрыв за собой дверь.

– Здоровый особняк себе отгрохал, мироед, – проворчал сквозь зубы Мороз. – Забор метров пять, не меньше.

– Он, наверное, расстроится, когда узнает, что его обво-

ровали, – вздохнула Снегурочка.

– А другие люди не расстраивались? – огрызнулся дед, – когда этот упырь их до нитки обчищал. Ты вот, что, внученька, не забивай себе голову всякими глупостями. Мы не для себя, для детей стараемся. Игрушки денег стоят. Давай, вызывай наши сани волшебные. Без них нам забор не преодолеть. И будь осторожна, видишь, провода натянуты? Через них ток пропущен. Запомнила, где сигнализация?

Девочка кивнула и вытащила из кармана небольшой свисток. Раздалась негромкая трель, над головой загудело, и на землю, сдувая снежную пыль с сугробов, опустились большие расписные сани.

Дед и внучка забрались в них, и Мороз скомандовал:

– Вперёд, залётные!

Перелетев через забор, волшебная повозка опустилась перед большим трёхэтажным особняком.

– Пора, – сказал Мороз. – Видишь открытую форточку на третьем этаже? Полезай и отключи сигнализацию. Потом дверь откроешь. – Сам он спрыгнул на снег и взмахнул рукой, заставляя сани с напарницей подняться на необходимый уровень.

Видя, как внучка ловко юркнула в небольшое квадратное окошко, дед прослезился: «Худенькая, миниатюрная. Думал на балерину выучить, а выучил на форточницу. Эх, жизнь паскудная».

«Дело», как называл Дед ночные вылазки, закончили

за пятнадцать минут. Хозяев в особняке не было – они уехали куда-то в тёплые страны, отдохнуть от нашего климата. Дед с внучкой обошли весь дом, из предосторожности не включая свет – Мороз достал из кармана маленький фонарик и светил им вокруг. Сейф обнаружили на втором этаже, в кабинете хозяина.

– Так, посмотрим, – Дед, устроил фонарик на столе так, чтобы он освещал кодовый замок, и надел хирургические перчатки. – Запор хитрый тут, так просто обычному грабителю не вскрыть. Ну мы-то необычные!

Мороз достал из очередного кармана маленький бумажный пакетик и показал его девочке:

– Разрыв-травя. Редкая, зараза. Но зато отпирает любой замок, проверено.

– Дай я попробую, – внучка взяла из пакетика щепотку серого порошка и посыпала им замок. Тот жалобно запищал и дверца сейфа, скрипнув, открылась.

– Берём только деньги и драгоценности, – напомнил Дед. – Все эти акции и прочая непонятная макулатура нам без надобности.

Добыча быстро оказалась в заплечном мешке Деда. Злоумышленники прикрыли сейф и быстро направились к выходу из особняка. Забрались в сани, которые поднялись вертикально вверх метров на восемь, немного повисели в воздухе и полетели домой.

Уже возле избы они слышали громкие крики и грязную

брань.

– Даже заходить не хочется, – посетовал Мороз, – все жили они из меня вытянули, проклятые.

– Родственников не выбирают, – шмыгнула носом Снегурочка, – ты сам говорил.

– Говорил, – согласился Дед. – Только всякому терпению предел есть. – Он, кряхтя, взвалил на плечи мешок и толкнул ногой дверь. В нос ударил резкий запах перегара и чеснока.

– Явился! – встретила его в дверях растрёпанная супруга. – Шляется невесть где, а мы тут с голоду пухнем! Щас как дам в бородатую морду!

Мороз с опаской покосился на огромный кулак жены и бочком попытался протиснуться мимо. Но не тут-то было. Дородная женщина прижала его грудью к дверному косяку и зло прошипела:

– Чего в мешке, козёл? Жратва?

– Золото-бриллианты, – пролепетал старик. – А покушать сейчас приготовлю.

– Мама! – раздался из дальней комнаты пьяный голос дочери: – Папаша пол литра принёс?

– Принёс, принёс, моя козочка! – елеиным голоском отозвалась мать и больно пихнула Мороза в спину: – Шевели копытами! Чтобы через пять минут ужин был готов!

– Мы со Снегурочкой как раз суп варим, – покаянно промолвил Дед и побежал на кухню, внучка за ним. Женщина проводила их недовольным взглядом и, выудив из-за зеркала

ла бутылку водки, понесла её дочери:

– А вот, что нам папенька принёс. Вкусенькая беленькая!

Слушая глупый хохот дочери и визгливое сюсюканье супруги, Мороз сжал кулаки. Девочка погладила его по спине:

– Не грусти, дедушка. Полного счастья не бывает. В каждой семье свои проблемы.

– Не бывает, – повторил за ней Дед, не сводя глаз с маленького чёрного мешочка на полке. И вдруг решился.

– Вот что, внученька, сходи в кладовку, лаврового листа принеси, супчик сдобрить нужно.

Когда Снегурочка вышла, Мороз проворно схватил чёрный мешочек, развязал и сыпанул его содержимое в суп.

Про себя он твердил, как мантру: «Хватит, натерпелся. Хватит, натерпелся».

В мешочке была смесь сушёных мухоморов и бледных поганок. Ей старик отпугивал леших, злыдней и прочих вредных духов. Лесная нечисть очень не любила этот порошок, фыркала, чихала и убегала прочь.

Вернулась Снегурочка. Мороз взял у неё пакетик, кинул несколько лавровых листьев в варево и закрыл крышкой кастрюлю.

– Дай попробовать, дедушка, – попросила внучка. – Ты, небось, опять недосолил.

– Цыц! – прикрикнул на неё отравитель. – Всё в меру. И мерой отмерено будет! – Сказав эту загадочную фразу, Мороз подхватил кастрюлю и пошёл угощать родню.

Девочка, продолжая шмыгать носом, подхватила с пола мешок с добычей и пошла сортировать наворованное – денежку к денежке, камушек к камушку. Дед тем временем достал четыре тарелки и стал разливать суп.

– А чего так мало? – взвизгнула жена. – Вы-то, небось, в кафешке были, наелись уже.

– Какая кафешка? – ответил Дед, отложив половник. – Работали мы, деткам соседским подарки добывали.

– О соседях подумал, а о нас кто думать будет? – язык у дочери заплетался, и что она говорила, было совсем непонятно. – Мы тут на хлебе и воде, а соседи как сыр в масле, получается?

– Так подумали мы о вас, вот какой суп приготовили, – Дед посмотрел в сторону. – Кушайте, я пойду внучку позову.

– Не придёте через пять минут – всё съедим, – пригрозила жена.

Дед пожал плечами и пошёл во внучкину комнату. Девочка сидела на полу и доставала из мешка добычу.

– Готово? Ужинать пора, – сказал Дед, присаживаясь на табуретку.

– Ещё чуть-чуть, – ответила внучка, разглядывая изумруд величиной с лесной орех. – Вот где они его взяли, интересно? Какой красивый!

– Честно такой камень не добыть, – Дед сложил руки на коленях и стал терпеливо ждать, пока внучка раскладывает камушки по цвету. Минут через десять девочка закон-

чила, придиричиво оглядела добычу и сказала:

– Пошли, деда, ужинать.

Подойдя к столу, они обнаружили, что все тарелки пусты. Дочь, глупо хихикая, облизывала ложку, а жена торжествуяще посмотрела на мужа и сказала:

– Я ж говорила – торопитесь, а то всё съедим. Остыло бы всё, кто холодный суп ест?

Дед вздохнул, собрал тарелки и отнёс их на кухню. Потом вернулся, тронул внучку за плечо и сказал:

– Пойдём, бутербродов тебе сделаю. Так и поужинаем.

– Бутербродов? – взвилась жена. – С чем это? С колбасой, небось? Нам-то колбасы не принёс, жмот.

– Мама, мне чего-то нехорошо, – сказала вдруг дочь, держась за живот. – Пойду я полежу немного. Если бутерброды есть будете – позовите.

Дочь встала из-за стола и, пошатываясь, пошла в свою комнату. Жена подскочила и побежала её догонять, причитая на ходу:

– Готовят непонятно что, а потом у нормальных людей живот крутит.

Дед ещё раз глубоко вздохнул и пошёл к холодильнику, искать колбасу на бутерброды. Внучка тихонько последовала за ним.

* * *

Дед хмуро смотрел вслед отъезжающих «скорой» и труповозки, вздыхал и бормотал под нос: «Вот и стал на старости душегубом». Вокруг толпились люди, громко голосили бабы, внучка утирала кулаком слёзы. Кто-то тронул его за плечо. Мороз обернулся и встретился взглядом с участковым. Неопрятный толстяк в расстёгнутом полушубке смотрел с прищуром. На мокрых губах прилипли хлебные крошки, вместо табельного оружия из кобуры выглядывал огурец. Обдав деда водочным выхлопом, полицейский с преувеличенным сожалением сказал:

– Неудачно заканчивается год. Прими мои соболезнования, Мороз Иваныч. Понимаю, тебе сейчас тяжело, но служба есть служба. Пойдём в хату, покалякаем, – участковый настойчиво подтолкнул деда к двери.

В помещении блюстителю порядка аккуратно повесил полушубок на вешалку и по-хозяйски огляделся.

– Да-с, хоромы-то тесные. И не скажешь, что здесь живёт легендарный Дед Мороз, от которого все дети ждут подарков. Не думал о новом тереме? Всё же не престижно – в такой тесноте жить.

– Мне хватает, – кашлянул Дед. – Говори, зачем пожаловал?

– Неудачный год, – повторил полицейский, – твои жена и дочка преставились. А тут ещё Кирдяшкина обнесли. Представляешь, сейф вскрыли, все денежки и камушки спёрли.

– Не повезло.

– Ещё как не повезло. Случайно, не знаешь, кто это мог сделать?

Мороз напрягся:

– Откуда мне знать? Я там не был.

– Врать ты не умеешь, Мороз Иваныч, – сочувственно вздохнул участковый. – Глаза тебя выдают. Вор из тебя посредственный. Дилетант. На снегу возле дома депутата следы полозьев твоих саней. А на месте преступления я вот это нашёл. – Участковый выдернул из штанов целлофановый пакетик, в котором лежал фонарик деда. – Узнаёшь?

Дед попятился:

– Не моё это...

– А почему тогда на фонаре твои отпечатки? – взревел полицейский. – Отвечай!

– Нет их там! Я в перчатках был! – вскрикнул Дед и застыл с открытым ртом.

Участковый расхохотался:

– Вот так мы вас и раскалываем, лохов, – он развёл руками. – Это же сенсация. Легендарный Дед Мороз в тюрьме за ограбление. А как же подарки детишкам? Кто же дарить будет?

Дед угрюмо молчал, нервно покусывая седой ус.

– Я хоть и не ребёнок, но страшно люблю подарки, – вкрадчиво сообщил мент. – Понимаешь, о чём я дедушка? – И, видя, что Мороз непонимающе хлопает глазами – проши-

пел: – Подарок гони! Молчание дорого стоит!

Получив две увесистые пачки долларов, участковый ушёл, сказав на прощание:

– Я вернусь. Разговор не закончен.

Дед в изнеможении опустился на табурет. Из угла вылезла серая мышка и сказала:

– А ведь он вернётся. Доить тебя будет. Потом всё равно расскажет.

– Знаю.

– Кончать его надо.

– Как это кончать? – испугался Дед. – Не могу я!

– Тебе и делать ничего не нужно. Бери волшебное зеркало и смотри, как мы с Михайло Потапычем управимся, – мышка хихикнула. – Для дела мне вот эта блестяшка понадобится. – Она подхватила бриллиантовое ожерелье и выскочила на улицу сквозь приоткрытую дверь.

Увидев мышь, тащащую драгоценность, участковый встал, как вкопанный. Потом глаза его вспыхнули от жадности:

– Стой! Куда?!

Мышь шустро припустила по сугробам, полицейский за ней. Погоня была долгой. Участковый взмок, потерял шапку и один валенок. Наконец, он настиг беглянку. Та остановилась на краю большой полыньи.

– Попалась, гадина! – торжествующе взревел полицейский, но тут из большого сугроба вылез медведь и с рычани-

ем спихнул его в воду. Бултых!

Дед, наблюдая эту картину в волшебное зеркало, зажмурился, а когда открыл глаза – на тёмной воде покачивался только зелёный пупырчатый огурец...

Все оставшиеся перед Новым годом дни Дед бегал по банкам, менял валюту на рубли. Внучка тоже была занята – она покупала подарки для окрестной детворы. Когда наступило 31 декабря, Дед собрал подарки в огромный мешок, отнёс его в сани и позвал внучку:

– Пора, Снегурочка, нам деток навестить.

Весь вечер перед праздником соседи наблюдали удивительную картину: Дед, в красной шубе до пят, сидел в самоходных санях, рядом с ним Снегурочка в синей шубке, на запятках устроились белки и зайцы. Возле каждого дома сани останавливались, Дед выходил из саней, клал на плечо мешок, брал за руку внучку, и они шли к дверям. Двери распахивались, ребятня выбегала во двор, обступала их, весело крича при этом. Дед дарил подарки, малыши рассказывали стихи про Новый год, пели песни и водили хороводы.

И все были счастливы, даже взрослые. Они с умилением смотрели на детей и подпевали:

«Маленькой ёлочке холодно зимой...».

ГРИГОРИЙ РОДСТВЕННИКОВ, САША ВЕСЕЛОВ. УРАВНЕНИЕ С ДВУМЯ НЕИЗВЕСТНЫМИ

Рисунок Юлии Ростовцевой

– Привет, почему ты молчишь? Мне скучно. Расскажи анекдот...

– Сейчас за окном по улице, шли весёлые апельсины надутые и разноцветные, как шарики, и огромные, как три рубля, а счастья нет.

– Какого счастья? Не отвлекайся!

– Прости. Я нервничаю всегда, когда тебя вижу... твои... Ну, а шутить и рассказывать анекдоты не умею. Ты красивая.

– А если точки восклицательными знаками заменить?

– Слишком пафосно.

– А вопросительными?

– И без них понятно, что всё сложно...

– Сложной жизнь делают люди. Мне вот не сложно. Я вижу мир двухцветным. Раньше я сожалела, что не вижу весёлых розовых апельсинов, они казались мне серыми. Только я давно привыкла. Я сегодня летала одна и ждала, что ты присоединишься. Но ты сказал: «всё сложно». Не хочу, чтобы было сложно. Есть ты, и есть я. Может, мы из разных миров? Тогда к чему твои слова о счастье?

– Не начинай... Я знаю, что изначально всегда и во всём виноват... Моё уныние сильно ранит тех, кто дорог, кто рядом, кто хочет мне помочь, но почему-то не помогает. Ты не бойся, любая ночь, самая тревожная полная страха обязательно закончится.

Рассвет найдёт нас и обнимет. Нужно просто перетерпеть эту ночь. Тревоги и волнения дели надвое, пополам, я всегда буду рядом...

– Но ты не пришёл. Ты не был рядом, когда я стояла на краю и звала тебя... Сколько было таких тревожных ночей, и я падала в пустоту одна. Ты всегда говоришь одно и то же: Я – виноват. Но это лишь слова. Как просто повиниться, но жить, как прежде. Прости, но я не знаю, хочу ли встречать с тобой рассвет...

– Прощаю... Сказать, что ожидание встречи с тобой давно стало для меня пыткой, а ждать и догонять, и терпеть противно сердцу всякого русского человека, значит не сказать ничего. Я пока не могу назвать точную дату, когда мы, наконец, увидимся, наверное, это случится не скоро...

Я не могу измерить точность ожидания часами... Да и зачем, если встречи не будет. Заказана встреча. Тобой заказана. Тебе просто нравится дразнить меня.

– Знаешь, как в Священном писании? «И будут двое одна плоть». Нас двое, но мы не вместе. Я жалею, что встретила тебя. Раньше было так просто, вот мир, вот небо, а вот я. Но тут пришёл ты, и я поняла, что больше не хочу одиночества. Мне холодно. Но согреть на расстоянии невозможно. Я не знаю, как теперь жить. Я разучилась быть одна, но и быть с тобой не получается. Ты же волшебник. Сделай так, чтобы я забыла тебя. Верни мне покой и свободу.

– Что Бог сочетал, того человек не разлучит. Человек – я,

не волшебник, а человек.

Не обманывай себя, и меня не придумывай. Не хочу я ни твоего покоя, ни твоей свободы, всё бы отдал, чтобы обладать ими, но силой не возьму.

Закрой глаза, на миг замри и не различишь никогда, где ты: в небе с миром чудес, со мной в плену узилища, с избранником счастливым во дворце сияющем.

– Ты мастер плести кружева слов. Раньше я запутывалась в них, как глупая мушка в паутине. Но сегодня я прозрела. Хорошо, что я не различаю цветов. Только чёрное, белое и серое. Белый цвет – счастье. Чёрный – утрата. Но ты кажешься мне однотонным. Пепельным. Я не вижу контраста. Скажи, почему?

– Потому что другим ты будешь рассказывать о том, чему научилась у меня, врунишка. Я насквозь тебя вижу и знаю, чего ты хочешь. Замолчи, и паутина слов исчезнет, радость молчания освободит тебя, но и сама ты исчезнешь. Ты запуталась в двух красках: белый не счастье, он лишь пустота одиночества, зато чёрный творит контур жизни. Мне жаль, что ты видишь радугу серым коромыслом, но лучше видеть оттенки серого, чем верить в возможность отыскать белое на белом.

– Ты – демон! Отпусти меня. Я лишилась крыльев. Они сгорели в огне ожидания. Отпусти. Я уйду и не вернусь. Знаю, что буду помнить тебя вечно. Но разве это важно для тебя?

– Важно... но ключи у тебя...

**ВИКТОРИЯ РАДИОНОВА.
СКАЗКА О СПЯЩЕМ ДЯДЕНЬКЕ**

Рисунок Юлии Ростовцевой

Жил на свете один славный паренёк Веня Кузякин: ни худой, ни толстый, ни коротыш, ни рослый, двадцати пяти лет отроду, системный администратор. Но была у него одна черта: терпеть не мог Веня принимать решения, всегда полагался на волю случая.

Вот и сегодня, наблюдая, как облако-крокодил превращается в облако-«Лада Калина», он допил кофе, перевернул чашку, надеясь, что густые потоки кофейной гущи подскажут, как быть со Светкой. Но кофейный рисунок больше всего походил на кукиш, то есть ничего конкретного не предвещал.

Тогда Веня загадал, когда он подойдёт к остановке, всё и решится само собой: если первым на перекрёстке покажется автобус №19, то Веня едет делать Свете предложение, а если трамвай, то к Борьке играть в плейстейшен.

На остановке Веня печально вздохнул: красивые Светкины глаза и золотистые локоны, как у принцессы из мультфильма «Бременские музыканты», всплыли в памяти и тут же растаяли, вспугнутые трамвайным звонком. «Значит, в другой раз, или вовсе не судьба», – рассудил он философски и полез в полупустой вагон.

В глаза бросилось, что зеркало заднего вида покрыто трещинами. Плюнув через левое плечо – хорошо, что за ним никто не садился следом, – он грустно притулился у окна

и задремал. Спустя некоторое время почувствовалось чьё-то присутствие.

Приоткрыв один глаз, он встретился с недовольным взглядом дамы преклонного возраста, стоящей возле него вплотную. Выглядела старушка весьма необычно: причудливая шляпка с вуалькой, лиловый макинтош, перчатки-сеточки, в руках толстенная книга. Название Веня прочесть не успел, поскольку решил поскорее отвести взгляд. Дама всем видом претендовала на его место.

Будь трамвай переполнен, Веня не раздумывая бы его уступил. Но поразительное дело: в вагоне больше совершенно никого не осталось! Видно, все вышли на торговом центре, а ему ещё надо было ехать семь остановок. Над ним продолжали нависать и сверлить недовольным взглядом. Появилось желание пересесть. Но с чего бы ему это делать?! Он тут давно, старушка не хилая, да и полно вокруг свободных мест! И Веня в очередной раз решил положиться на волю случая: если в руках у неё книга отечественного писателя, место он ей уступит, а если иностранная литература, пусть стоит, у них там феминизм. Скосил глаза на книгу: «Г. Шиммельшпруэль. Сонник», и демонстративно отвернулся к окну. В тот же миг получил удар по затылку увесистым томом и проснулся. Сквозь гул голосов переполненного вагона в голове звучали обрывки слов из сна:

– Все твои сны будут сбываться!

– Бред! – решил Веня и, почесав затылок, выбросил это

ИЗ ГОЛОВЫ.

День прошёл как один миг. С воскресными деньками всегда так: не успел проснуться, а уже пора бы и укладываться. Экран сотового высветил сообщение от Светки: «Мог бы и позвонить!!!» Веня смахнул его небрежно:

– Тоже мне, принцесса! Ну вот, значит, не мог. Дела были.

С раздражением вспомнил, что на сегодня запланировал кучу дел: растрясти жирок на пробежке, убрать комья пыли в углах, погонять пассажи на электрогитаре, но вместо этого весь выходной продолбились с Борькой в тупую стрелялку и к тому же завалили уровень.

– Завтра позвоню, – пообещал он сам себе и закрыл глаза. Перед внутренним взором возник кислотный пейзаж, наблюдаемый через оптический прицел.

Утро порадовало Веню естественными природными красками: небо синее, солнце жёлтое, облако белое, а кофе в красной кружке, разумеется, чёрный. Веня довольно улыбнулся. Вспомнились обрывки сновидения: от ядовитости красок виртуальной перестрелки передёрнуло. Вдруг неведомо откуда донёсся шелест, словно кто-то невидимый быстро перелистывал книжные страницы. Веня оглянулся по сторонам – ничего необычного. Кухня, как кухня: стол, гарнитур, холодильник. Но тут отчётливо прозвучал голос трамвайной старухи из вчерашнего наваждения:

– Стрелять во сне к неурядицам, ссорам с друзьями, конфликтам с начальством и разрыву с сердечным другом.

– Что за ерунда? – только и успел подумать Веня, как сотовый засветился Светкиным сообщением: «Больше мне не звони!»

– Вот это поворот! – пробормотал Веня, в спешке набирая Светкин номер.

Телефон виновато заскулил долгими гудками.

– Только этого не хватало!

Но времени на сердечные драмы совершенно не оставалось, в растрёпанных чувствах Веня помчался на работу.

Все как с цепи сорвались. Соседка накинулась из-за мусорных пакетов, которые Веня выставляет у двери. В автобусной давке каждый знал, куда ему встать и где его ждут с рюкзаком и длиннющими ногами. И все непременно спешили Вене об этом сообщить самым неприятным тоном и в резких выражениях. Охранник (добродушный старикан, обычно подмигивающий с улыбкой: мол, проходи, Вениамин, не надо пропуска, не парься) нынче промурыжил его не одну минуту. Хмуро разглядывал документ и непрерывно ворчал, что пропуск вот-вот просрочится, и тогда уж он ни в жизнь, ни за что, ни при каких обстоятельствах... А скопившиеся из-за этого на проходной сотрудники раздражённо вздыхали и закатывали глаза, словно это не охранник привязался, а сам Веня устроил тут канитель.

В бухгалтерии слетел комп, и Веня не только остался без

обеда, но и получил втык от начальства, сопровождаемый угрозами лишиться премии и четвертовать. В конце дня ещё и Борька попросил взаймы денег до аванса, а у Вени, как на зло, был совершенный голяк. Но друг даже не дослушал объяснений, надулся и послал его в известном направлении.

Продавщицы хамили, водители на переходе сигналили. Совершенно измотанный отвратительным днём Веня еле тащился через сквер. Воробьи на старых липах не только наорали на унылого прохожего, но и нагадили ему на плечи в буквальном смысле.

– Наконец-то этот кошмар закончился! – вздохнул Веня, будучи в постели, и провалился в сон.

Но кошмар только начинался. С тех пор абсолютно ко всем снам голос невидимой старухи зачитывал токование. А те, как на подбор, не предвещали ничего хорошего. Ночью Веня пел в хоре, утром старуха обещала завалить его нудной работой, и та не заставила себя долго ждать. Всю ночь напролёт ловил руками головастиков в мутном пруду – и старуха гарантировала ухудшение здоровья. Тут же Веня почувствовал першение в горле, а в нос словно набились недавние головастики. В обед Веня совсем расклеился и отпросился в поликлинику. В доврачебном кабинете миленькая фельдшер сделала все, что могла, а когда ему взбрело в большую голову пожаловаться на вещие сны, в этом она помочь уже не могла, выписала направление к специалисту.

Психиатр выслушал пациента внимательно, совершенно не удивился, прописал снотворное, ромашковый чай и посоветовал сходить к целительнице, даже дал визитку с адресом.

Несмотря на ОРВИ, Веня тотчас отправился по адресу на карточке. Во-первых, голоса в голове волновали его куда больше соплей и кашля. Во-вторых, идти далеко не надо было, нужный адрес находился как раз напротив поликлиники.

Дверной звонок исполнил мотив «Судьбы» Бетховена, и дверь открыла до боли знакомая пожилая женщина. Недовольный взгляд невозможно было ни забыть, ни перепутать. Веня захлопал глазами, но задавать вопросы не решился. Он начал загадывать, если в квартире увидит Сонник Шиммельшпруэля, то непременно спросит, что за дела, а если нет, то...

– С чем пожаловал? – старуха начала опрос прямо с порога, не церемонясь.

Веня, шмыгая носом, прохрипел о своей проблеме.

– И что беспокоит?

– Да как что?! – от возмущения голос дал петуха и снова перешёл на сип. – Это же невозможно просто! С утра знаешь, что тебя ждёт! Я ж как обречённый.

– Не вижу проблемы, – отрезала целительница. – Предупреждён, вооружён! Ты ж мечтал об этом!

– Да о чём же?

– Чтоб от тебя ничего не зависело!

– Ну да! – промямлил клиент, немного подумав. – Вот только...

Веня стал было говорить, что уж больно дурные сны он видит, и нельзя бы как-нибудь поменять ситуацию, но закашлялся и внятно выговорил лишь конец фразы:

– Нельзя ли, наоборот?

– Можно! – целительница приподняла со стола знакомый Сонник и неожиданно выпустила из рук. Веня вздрогнул от грохота и невероятным образом очутился у себя в постели.

– Бред! – прохрипел он и провалился в болезненный сон.

Ему снился бассейн полный золотых монет и денежных купюр. Веня купался в нем, как Скрудж Макдак. Разбудил невероятный запах. В половине пятого прорвало канализацию.

– Клин клином вышибают! – воскликнул взбудораженный Веня, чем немало удивил уже уходящих от него сантехников.

Ему пришло в голову повторить свой трамвайный рейс и, во что бы то ни стало, отловить старуху в естественной среде.

Трамвай с треснутым зеркальцем никак не попадался. Веня проторчал на остановке до темноты. Уже, чуть не плача, хотел воротиться восвояси, как вдруг раздался звонок и на перекрёсток выехал последний на сегодня трамвай. Сердце вспорхнуло жаворонком к горлу и упало в район же-

лудка увесистой жабой. Трамвай прошёл мимо, не остановившись. В окно из-под вуальки выглядывала недовольная старуха.

Волна отчаянья подхватила Веню и понесла за трамваем. Двери на удивление открылись, и Вене каким-то чудом удалось-таки запрыгнуть на подножку.

– Что хотел? – рывкнула старуха, едва он успел войти в вагон.

– Все исправить!

– Много хочешь!

– Старая ведьма! – вырвалось в отчаянии.

От гнева старуха стала под цвет плаща, ярко-лиловой:

– Значит, ты вообще не проснёшься во веки веков! – прогремела она. Ноги у Вени подкосились, но тут трамвай остановился, стрекоча огромными стрекозьими крыльями, влетела кондуктор.

– Ваш билетик? – обратилась она к даме в лиловом, не обращая на Веню никакого внимания. Колдунья замешкалась, стала рыться в карманах, из лилово-гневной стала стыдливо-красной.

– Платите штраф! – заявила кондуктор и строго затрещала крылышками.

– Ну ладно! – рывкнула ведьма. – Будет спать, покуда его не поцелует принцесса!

– Квитанция, – кондуктор дыхнула на печать и опустила её на бланк со звонким ударом.

Веня дёрнулся всем телом, как это бывает в момент засыпания, и повернулся на бок уже в своей кровати. Ночь прошла без сновидений. А разбудили Веню звуки электрогитар, ударной установки и совершенно невозможного пения в диапазоне от глухого утробного баса, до визгливого истового фальцета:

– Баю-баюшки-баю-у-у, не ложися на краю-у-у!

– Не могу я спать у сте-е-нки...

На деревянных подмостках, в окружении ревущей толпы, неистово отжигала группа Роллинг Стоунз. Мик Джаггер, хороший и сам по себе, в парике платиновой блондинки и узенькой толстовке в сине-зелёную полоску, прятался за большим барабаном. Остальные музыканты, кажется, намеревались его покусать в проигрыше. На Вене была алая рубаха с разрезом до пупа и красные клёши. Толпа на площади задохнулась от восхищения при его появлении. Хотелось провалиться сквозь землю или хотя бы иметь пару пуговиц на вырезе.

Тут Кит Ричардс подкрался по-кошачьи и подмигнул, указывая грифом гитары куда-то вверх. Над Веней нависла стена дворца с изящным балкончиком, на котором сидела Светка. Она рыдала в ладошки. Кит дал Вене пинка, и тот подлетел до первого дворцового этажа. Ловко ухватился за оконную решётку, выполнил изящный кульбит и оказался рядом с любимой. Заиграли скрипки, толпа стихла. Светка при виде Вени, опустившемся на одно колено, залилась краской

и поцеловала жениха в лоб. Толпа издала тысячеголосый вздох умиления.

Перед Веней распахнулись две двери. Он точно знал, что за одной он проснётся в своей постели, во что бы то ни стало помирится со Светкой, у них будет свадьба, двое детей – мальчик и мальчик, двушка, десятка и шесть соток. А за другой, у него будет кот, пёс, осёл и петух в друзьях, гениальный сыщик во врагах, король в тестях, принцесса в жёнах и абсолютное обожание толпы зевак. Веня не мог сделать выбор и уже было хотел... Но Принцесса прекрасно знала дурной характер своего нерешительного Трубадура и, крепко ухватив жениха за рукав, потянула за собой в дивный новый мир.

Веня предупредительно закрыл глаза. Ему было абсолютно всё равно, где он в итоге окажется. Какая разница, если тебя направляет уверенная женская рука. Это ли не счастье?!

АЛЕКСЕЙ ГРИГОРОВ. ГЛЯДЯТ С НАДЕЖДОЮ НАРОДЫ

Рисунок Алексея Григорова

Вы знаете, что такое «кризис»? В смысле, буквально? Правильно, «поворотный пункт». Финансовый, политический, среднего возраста – да мало ли!.. Вот у меня сразу несколько пересеклись в одной точке. Кстати, «точка решения» – это тоже вариант перевода этого самого «кризиса»! Короче, работа-семья-здоровье одновременно пошли под откос, и я психанул.

Нужно было что-то делать, как-то суетиться, куда-то бежать, но жизнь внезапно показалась настолько мерзким болотом, что я решил не тянуть. Знаю себя: если только чуть засомневаюсь – всё, пиши пропало. Ни за что не сделаю! Поэтому, едва осознав себя всеобъемлющим банкротом, ментально сделал то, чего боялся с самого детства. Высота – жуткая вещь! До дрожи, до кишечных колик боялся – и прыгнул с балкона.

Брежневская «восьмёрка», шестой этаж. Рассохшаяся рама, ржавые гвоздики едва удерживают мутные от времени стёкла... Всякая хурда-мурда в ящиках и на верёвках, рассада и бельё, даже клетка с попугайчиками – всё медленно поднимается вверх вместе с ветвями деревьев. А внизу, прямо там, куда упасть должен, сидит кошка. И ни о чём, похоже, тварь несчастная не подозревает! А ведь я её сейчас ненароком того, расплющу... Время растянулось, а, быть может, и сознание сжалось в ожидании удара об асфальтовый

бордюр. Не поребрик? А какая разница? Что сову об пень, что пнём сову – всё одно... О-дно! И когда я успел об этом подумать?

Не знаю, сколько там мигнов оставалось до полной и окончательной победы гравитации, а только с организмом произошло НЕЧТО. Видно, сознание сжалось достаточно для того, чтобы воспарить. Буквально, о чём речь! Тряхнуло, конечно. Но – так, не сильнее, чем когда после застолья на кровать падаешь. Без промаха падаешь, прошу заметить! На пол падать не в пример больше, проверено.

Сначала я не понял. От сотрясения и предварительного умопомрачения соображал-то далеко не оптимально. Ну, вот и решил, мол, просто моё обычное «везенье». Даже суицид не выходит – то ли в кусты приземлился, то ли ангел-хранитель персональную подушку безопасности активировал! Короче, горе моё, горе луковое, безразмерное.

В себя пришёл, когда кошка, та самая несостоявшаяся жертва, голову подняла. Уставилась на меня снизу вверх, зашипела и – лапой! Потом взвыла пожарной сиреной, метнулась в подвал. А у меня на носу царапины! Вот сколько до встречи с Землёй-матушкой оставалось... И тут меня стошнило.

Дело такое: обычно я голову вниз в три приёма опускаю, боюсь на собственную обувь лишний раз посмотреть, а тут!.. Одно помогло: ночь на дворе. Глаза прикрыл, внушаю: «Сон мне снится. Просто сон!» Подышал, как в сериалах сове-

туют, успокоился. Руки опустил, «упор лёжа» принял. Давненько не отжимался, к слову сказать. Застыдился своих бицепсов-моллюсков, но – делать нечего, чем богаты, как говорится. Полегоньку на четвереньки стал. Ощущения странные – будто воздух уплотнился, как вода стал. Что за дела?!

Осмелился оглядеться. Двор у нас стандартный, вот только расположен между штабом МЧС и военкоматом, потому – тихо, чужие здесь не ходят. Да и кому здесь быть в четыре часа утра? Кошка, в подвал эвакуировавшаяся, да я, себя не нашедший. Ну, а как?! Болото ведь вокруг, бо-ло-то! Жизнь, короче. В голове давешним попугайчиком бьётся мысль, сформулированная Вيني-Пухом: «Это ж-ж-ж неспроста!», а я боюсь ей ход дать, быстро-быстро ремень из брюк тяну, к детской горке присматриваюсь. Простите, детки, утром вам тут не гулять!..

Ан нет, не вышло. Шаг шагнул – нормально, второй – заподозрил неладное, а на третьем, что вприпрыжку должен был получиться, я и взлетел! Не так, чтобы по-птичьи там, либо аки ангел Господен, нет. Больше похоже, как воздушный шарик подпрыгивает: шаг в пять метров, приземление, толчок – шаг в десять метров... Короче, перемахнул горку, и в берёзовых ветках застрял. Дух захватило, само собой. Я ж высоты боюсь, как морковка зайца... И торчу на той самой ветке, откуда на днях спасатели кота снимали!

Опять головокружение накатило, будто с похмелья. Стоп! А мне это всё, часом, не снится? Ущипнул себя хорошень-

ко – больно! – ремень выронил – дёрнулся – свалился с берёзы – лечу! И, что характерно, руками-ногами задвигал в стиле брасс... Получилось!

Чуть выдохнул, локти согнул, напряжинил – медленно опустился на козырёк своего подъезда. Сел поудобнее, дух перевожу.

И что же мне с этим счастьем делать прикажете? Не ровён час – камеры с территории штаба засекали мою акробатику. Чудеса на виражах, чтоб им пусто было! Тогда – всё. Поймают и сдадут в поликлинику для опытов, как говаривал ещё один мультипликационный герой. Тогда одно из двух: либо в процессе замучают, как студенты лягушку, либо призовут на безальтернативной основе в какие-нибудь шибко компетентные органы... Ма-ма, ма-ма, что я буду делать?!

Блин! Что ж такое? Сплошь анимация с кинематографией из нутра прут... И ведь трезвый я! И не сплю! Свихнулся, что ли? Лежу себе в уютной палате, номер шесть, естественно. Таблеточку перевариваю – не уверен, что помню цвет: давно «Матрицу» смотрел. А-а-а-а-а! Мать моя, Галактика! Не дай пропасть, позволь в себя прийти!

...ага, шаз-з-з, разбежался! Молчит Вселенная, только звёздочками подмигивает. Ох, не кино это... Не мультфильм, не игрушка новая, не сон, не бред. Ну, и ладно! Буду приспосабливаться. Утоплюсь, к примеру.

Глаза зажмурил, с козырька бетонного прыгнул, как в бассейн – гребу к своему балкону. Всё бы хорошо, но, гадство,

штаны сползли! Ремень-то позабыл вдеть, вот и... медленно так спланировал носом в газон. Хорошо, собак ещё не выгуливали, чисто пока, и не пахнет. Выпрямился, подтянул брючки, отряхнулся. Эх, жизнь моя, жестянка!

Стоп! Опять, выходит, в голове мультики прокручивают? Нет, хочу или не хочу, а надо это дело исследовать... Утопиться никогда не поздно!

Присел я на лавочке, где обычно «бюро новостей» кантуется – тётя Оля, баба Маня и баба Люся – задумался. Как надумал прыгнуть с балкона, вспомнил. Как падал, про кошку, про берёзу – всё перебрал. Ничего не понимаю! Зато в теле такая приятная гибкость образовалась... Ох, уж эти сказочки!

Не додумался ни до чего, махнул рукой. Время на табло над входом в МЧС посмотрел, температуру, давление и скорость ветра проверил – всё обычное. Может, помер я? Ну, это вряд ли – нос кошка проклятая знатно рассадила, саднит до сих пор. Во – и капельки крови подсохли! Вряд ли у призраков так бывает. Живой, однозначно. Тогда – что это было? Как? Почему я?

Пригорюнился, слезу пустил. А тут забулькал замок – кто-то дверь открывает... я от неожиданности как подпрыгну! И прямо на балкон дома напротив влетел. Ну, так вот: Карлсон вернулся, блин! Уцепился за крюк для бельевой верёвки, оглядываюсь. Ё-моё! Вот это номер...

Дверь распахнута, и два ражих молодца, одинаковы с ли-

ца, волокут ванну. Причём, мою собственную. Очень уж специфическая раскраска, не спутать – сам делал, под чёрный мрамор. Да что ж такое деется, люди добрые?! Ладно, золотая купель была бы, так нет! Обычная эмалированная... И когда свинтить успели? Я ж никак не больше получаса школу юного лётчика прохожу, взлёт-посадку осваиваю. Такая, понимаешь, катавасия!

Думать тут некогда, отлип я от крюка – гребу потихоньку за татями ночными, в тени от фонарей да за углами хорошусь. Никто не знал, а я Бэтмен!..

На всякий случай осмотрел себя, прямо налету-наплыву: нет, прикид всё тот же, цивильный, не супер-геройский. Плюнул с досады на эти загадки... и с моим везением заднему детинушке прямо на бритую макушку попал! Хорошо, тому некогда разглядывать, что там за птичка над ним кружит – чертыхнулся, и дальше прёт, побряхтывая. А я ещё минуту на месте висел, как стрекозёл какой-нибудь, отдышаться от страха не мог: я ж опять вниз глянул без настроя! Снова тошнило...

В общем, чуть не упустил мазуриков, пока в себя приходил. Ведь недалеко они мою ванну утащили – прямо к забору военкомата. Прислонили, эмаль по кирпичу закрипела. А часового или ещё там какого дневального-дежурного и в помине нет! Зато есть яма, подкоп, лаз... Туда и сунули мою прелесть.

Видно, ждали их там. Минуты не прошло – пакеты нару-

жу просунулись. Обычные, вроде кульков новогодних. Тати хабар подхватили, в разные стороны кинулись. Я, было, расстроился: за кем лететь – непонятно! А потом решил своё добро выручать. Мне-то их натуральный обмен ни к чему, мне бы попросту под душ стать, взбодриться... ну, или утопиться, или вены вскрыть как-нибудь поэстетичнее – авось, на этот раз получится?!

Короче, подлетел-подгрёб аккуратненько, камеры наблюдения в виду имея. Повыше воспарил, во двор заглядываю. Батюшки-светы!

На площадке (на плац не тянет, маленькая) выстроилась шеренга людей, один другого худее. В одних ластах, а перед ними стоит моя ванна, прожекторы на ней лучи скрестили, и пятеро механиков с нею возятся. Пригляделся: да к ней колёса привинчивают! Ну, ладно бы четыре... пятое-то зачем?!

И тут повернулся с фланга самый тощий человек в мою сторону – эполетами на ключицах сверкнул, щёлкнул пятками в ластах, зонтиком салютует:

– Рады стараться, ваше-го-го-го!

Всплеснул я руками от полного недоумения, да и воспарил, а потом ка-а-а-ак чихну! И на реактивной тяге влетел в самый центр композиции! То бишь, в ванну свою... Покатился этот гроб на колёсиках, братоубийственный снаряд имени Винтика и Шпунтика. Скорость набрал – едва успели ластоносцы ворота распахнуть. Сзади «Банзай!» и «Ле хайм!» орут, а я пружу, как паровозик из Ромашкино, через тер-

нии к звёздам. Скатертью, скатертью дальний путь стелется...

Упёрся, слава тебе, Слава КПСС – хороший монолит в центре города от прежних лет остался! Хорошо так упёрся, как баран в новые ворота. Оглянулся на кортеж: растянулся мой почётный караул, нечётным стал. Бегут, рёбрами да колёнками посверкивают – рассвело совсем.

Ну, и который час в богоспасаемом граде нашем? Не успел подумать, тень моя пальцы растопырила, показывает – пять, мол, и ещё пол пальца. Эх, болезная! И слова-то сказать не умеет... наклонился погладить – не чужая, чай, всю жизнь со мной – а она взяла, да и отлипла от асфальта. Толпа нас окружила – частью люд голый, в ластах и эполетах, а частью в фиговых листьях, без знаков различия – «Горько!» скандирует. Откуда-то репортёры напоззли, змеи подкожные. Засверкали вспышки – тень засмузилась, покраснела. Кто-то ей букет сунул, вот в него и уткнулась, милая. И так мне хорошо стало!

Присел-оттолкнулся-взлетел, тень свою за руку держа. Парим с нею над городом, золотым и розовым в утренних лучах. Птички вокруг заливаются, внизу народ йодли распевает. Кое-кто шампанским салютовать начал. Праздник!

– А что ж это, душа моя, мы раньше с вами таких променадов не устраивали? – спрашиваю. Хихикнула тень кокетливо, глянула искоса:

– Я-то скажу, только не обижайся, друг сердечный! Мо-

жет, ну их, факты с аргументами?

Но – мужик я, или где?! Не убоюсь зла, и всё такое.

– Давай, не тяни! Ты ж меня знаешь...

Напрягла тень руку, подтянулась – лицом к лицу, глаза в глаза летим. Побледнела вдруг:

– Прощай, милый! Не орёл ты, вот в чём беда наша.

Ещё сильнее побледнела, да и растаяла. Один я остался в поднебесье, солнцем палимый, всему городу на обозренье выставился! И тут я вниз посмотрел...

**ГРИГОРИЙ РОДСТВЕННИКОВ,
САША ВЕСЕЛОВ.
СКАЗКА ПРО МЫШЬ**

Рисунок Евгении Сухановой

Профессор был маленький и плюгавый, как гоблин, но при этом злой, как взбесившийся орк. Минут тридцать меня пытал, что, да почему? А я же не мог ему сказать, что не до экзамена было. Приятель книжку интересную подогнал, про сталкеров. Автора не помню, Денис, Денис... Моргунчиков, вроде. Прикольно чувак пишет. Ну, я и зачитался. Как раз последнюю страницу допилил, тут и будильник прозвенел. Пошёл на экзамен смурной и помятый. На чудо надеялся, но его не произошло. А этот профессор бесчувственный, как с цепи сорвался, всё вопросы мне задавал, мучил, как доярка коровьи титьки. А под конец смотрит на меня, гад, и говорит:

– А скажи мне, Дуриков, в чём смысл биологического существования? – И сам же себе отвечает: – В паразитизме! Вот и ты, Дуриков, такой же паразит на теле нашего вуза.

А мне терять нечего. Знаю, что на пересдаче этот гоблин меня завалит. Видать, пора вещи собирать. Потому, выпятил грудь и говорю:

– Во-первых, я не Дуриков, а Мудиков! Не смейте мою фамилию поганить! Во-вторых, сам ты паразит, Иосиф Соломонович! За счёт студентов живёшь, плесень! На пересдачах бабки срубашь с ребят. Вторую дачу себе строишь, кровосос! И сам ты ходячая зловредная аномалия! Комариная плешь ты, профессор! Понял, что с меня хабара не добыть –

вот и завалил!

У Иосифа аж пенсне с носа упало. Рот как рыба открывает, глаза пучит, лапками сучит, ножками топает. Потом как заорёт:

– Вон из аудитории!

– А чего ты ругаешься? – его спрашиваю. – По какому праву орёшь, чудь пучеглазая? Ты знаешь, бросай эти свои привилегии орать, понимаешь, орать у нас кто хочешь научились сегодня... Хватит!

Хватит, сказал я со всей горячностью моего воздухоплавательного сердца и обнял профессора.

Склизкая гнида не вырвется.

А и не надо. Сейчас мы станем братья навек.

Обмяк Иосиф Соломонович. С перепугу думали инфаркт. Но если бы поражение миокарда можно было в стиральной машине прополоскать, как он свои штаны, разве это было бы не божественное исцеление.

Отчислили из академии. В армию пошёл. Генерала видел. Дураков не меряно. Научился строем ходить и опять после дембеля на медфак подал, а как же, мы теперь не ровня вам, мы льготники. На своём курсе восстановился. И опять к Соломоновичу попал. Ему и раньше казалось, что всё в этом мире не просто. Что гадит мировая закулиса. Что следят за ним. Деньги с карточек списывают. Хотят извести. А тут, раз, как говорится, снова я и ваша тётя в одном флаконе. «Парля ву франсе, пирамидон». Кто в теме, знает. По-наше-

му это: «Ну что, суки, кто старший в хате?»»

Смешно вспоминать, отучился, диплом дали, свалил.

А на свободном рынке труда очередь. Помыкался без дела с недельку, поиздержался, да и на мамкиной шее надоело сидеть.

Я снова к профессору.

Помогай, говорю, Соломоныч, по старой дружбе, устрой хоть в аптеку мышей травить...

А он словно знал, что я с такой просьбой обращусь. Есть, говорит, Дуриков, одно место. Мышей не то, чтобы много, но есть. Одна. Изведёшь – директор тебе премию выпишет. Я так обрадовался, что даже на изголение фамилии внимание не обратил. Обнял старого, к сердцу прижал так, что тот не то хрюкнул, не то пукнул, не то икнул. Когда уходил, показалось мне, что Иосиф пробормотал: «Покойся с миром». Только я значения не придал.

На следующий день по указанному адресу отправился. Склад аптечный оказался. Директор мне не понравился. Глазки бегают, ручки подрагивают. Дал мне ключи и говорит: «В пятом ангаре она живёт. Только я с тобой туда не пойду. Мышей сильно боюсь». Удивился я, но вида не подал. Пошёл, куда велели. Отпёр железную дверь, свет включил. Огромное помещение, кругом ящики деревянные, аж до потолка возвышаются.

С этого места подробнее запасайтесь валидолом – будет страшно.

Дверь лязгнула с inferнальным ехидством, затворив меня на складе. Погас свет. Засосало под ложечкой. Чья-то сильная рука прижала меня к паллетам с туалетной бумагой (очень кстати) и вкрадчивый голос, оттеняемый перегаром, спросил:

– Ну, и как там на Марсе? Жизнь есть?

– Учёные спорят, – начал я отвечать уклончиво, как учили в экстремальных ситуациях себя вести с придурками и прочими террористами противника.

Невидимый злодей то ли зевнул, толи хмыкнул, короче, перегар есть, а слов нет.

Я не жив ни мёртв, только чувствую, что держит крепко, как похмелье после беленькой с пивасом.

– Марс предмет тёмный! – вдруг гаркнул страшный голос мне в ухо.

Я хотел сознание потерять, но неизвестный подхватил меня под микитки и на ящик посадил. Тут свет зажётся. Да такой яркий, что я зажмурился. А потом глаза открыл...

Лучше бы не открывал. Потому что передо мной страшная морда зубастая объявилась. Чудище невиданное, чёрным ворсом поросшее.

Смотрю на урода и думаю, не зря ты меня про Марс спросил... Как есть, инопланетный монстр. Смотрит на меня и скалится, а глаза у него чёрные, бездонные, как Марианская впадина. Ну, я, чтобы гибель на подольше оттянуть, стал лепетать, типа:

– Добро пожаловать на нашу Землю, уважаемый пришелец из другой галактики...

А он тоже оказался, здесь, кого ни попадя не пошлют, хитрый гад. Включил дурачка:

– Чего ты, Ваня, мне рассказываешь за не балуй. Я таких видел стопицот и небаца здрасте. Я на этом складе держу так, что те, кто живым ушёл, тем, кто остался – завидуют. Я тебя сейчас стану смотреть как клоуна в анатомическом театре братьев Дуровых и попаси тебе потом сказать, что не больно!

Чего говорить зря, я много разных отморожков видел, но этот мне круче всех показался, но на словах я, не теряя мужества, ответил:

– Мамочка родная, господи помилуй, да я ж из тебя, не приведи бог живым остаться, Осип Соломонович, сделаю такое мало не покажется.

Тут ослабела малость хватка супостата проклятого, слышу:

– Это какого Осипа, – спрашивает щетинистая сила, – плюгавый гад, в очочках, на кафедре женских я не такая болезней сидит?

– Он самый... да, – чего думаю, перед смертью хрен знает кого выгораживать, – рост метр шестьдесят, года рождения пятьдесят третьего, родом из Житомира, улица Ленина, третий подъезд, происхождением чуждый...

Тот монстр так взвыл, что я непроизвольно мочевой пу-

зырь освободил бы или в бессознанку ушёл, будь нервами слабже, а так только слегка помутилось, как от солнцедара с ацетоном. Плыву по чёрной реке безмолвия, а вокруг звёзды горят, туманности и планеты кружатся, но где-то на задворках вселенной еле слышный писк нарождается. И всё громче и громче становится, вот уже и переливы слышны и всхлипывания, вроде...

Когда очнулся, глядь, а это чудовище плачет. Уселся на пол мохнатым задом, из чёрных шаров блестящих слёзы текут, а он их хвостом длинным утирает и горестно вещает:

– Был я некогда маленькой мышкой, жил в медицинской академии, на кафедре женских болезней, грыз себе мебель и никого не трогал. Но невзлюбил меня маленький очкастый профессор. Говорил, что из-за меня не может лекции читать. Стал изводить меня мышеловками и отравками, только я не пальцем деланный. Отраву не ел, мышеловки обходил. Не смог меня достать плюгавый злыдень, к магии прибёг. Сговорился со злым Чернобыльским колдуном, помнишь у Моргунчикова был такой Среднерусский Ирокез? Тором звали?

– Это который бабам в причинное место смешалки запускал? – подхватил я знакомую тему.

– Он самый, у него столько снадобий и корешков передовых было, что имей он маленько старания к негоциации сейчас же стал бы Биллом Гейтсом от зельеварения, хогвардс не пляшет! А он за так отдавал чисто из злобы покуражится.

– Известный Марлаграм!!!

– Во-во и не только, покорооче сказать сошлись они на этом деле, заманили меня малолеточку в коробочку, научили неприличному сексу и дали травы. Я вкурил разок, вздохнул, а выдохнуть нет мочи, пастью глотаю воздух, и чувствую, с каждым глотком распирает меня, как воздушный шар на пионерский митинг.

– Вот гады беспредельные и как дальше, лопнул?

– Кто лопнул?

– Да ты! Лопнул?

– Сам ты лопнул, я вырос, стал как есть, а Йося с колдуном загнали меня на этот склад, где томлюся здесь я уже без малого тридцать лет и три года, со мая месяца восемьдесят седьмого того памятного дня в который немецкий лётчик угадал на красную площадь упасть!

– А что же не уйдёшь отсюда и подлым злыдням не отомстишь?

Заплакал шерстяной гигант:

– Заклятие не пускает. Нацарапано оно на коробочке, в которую меня заманили, только я грамоте не обучен. Да даже, если бы обучен был – не прочёл, ибо написано оно на колдовском языке. Когда Чернобыльский колдун его проносил – ни фига не понял. Дурацкий язык какой-то...

– Закавыка, – почесал я в затылке. – А где сейчас та коробочка?

– Да вот она, совсем разохлась от времени, – монстр про-

тянул мне деревянный футляр.

Повертел я его в руках, на днище ветхую надпись увидел:
«Пусть ненавидят, лишь бы боялись».

– По-русски написано, – говорю.

– Как по-русски?! – вскричал монстр. – Сам слышал, как колдун на чужом языке выкрикивал!

– Вообще, это известное латинское изречение. Нас такими Соломонович в своё время мучил. Как же оно звучит? А! Вспомнил! Oderint dum metuant...

– Оно! – вскричала гигантская мышь. – Как есть оно! Трижды произнеси!

Ну, я и крикнул трижды:

Oderint dum metuant! Oderint dum metuant! Oderint dum metuant!

Гром прогремел. С полок коробки посыпались. Дымом помещение заволокло и серой потянуло. А мышь аж в пляс пустился, обнял меня, чемодан презентовал, а когда я тот саквояж открыл – душой возликовал. Там мульон зелёных долларов в пачках!

Так я стал богатым, солидным и независимым. А потом придумали мы с монстром, как плюгавому отомстить.

Пришёл на улицу Ленина, третий подъезд, с коробкой красными ленточками перевязанной, подозвал мальчишку какого-то и говорю:

– Мальчик, хочешь получить пакетик леденцов и прокатиться на лошади?

Тот отвечает:

– Леденцов и лошадь не хочу. Денег хочу!

Дал я ему, сколько попросил и на квартиру Соломоновичу отправил. Скажешь, мол, вам презент от друзей.

Вышло как по писанному только лучше и без ошибок. Принял вероломный аспид презент, стащил с него сорок сороков обёрток разных, семь шкур звериных, двадцать пять ковров персианских, газетной, папиросной и туалетной бумаги без числа и счёта, лист брони, да динамичной защиты слой, кирпичную кладку, каменную плиту, красного дерева полированную ламель. На том обессилел, расслабился, хотел с лица соплю утереть, а тут на него Мышь навалился или навалилась, не знаю, как уж теперь политкорректней будет. И остался взяточник и лицемер без головы.

Таковым и был найден правильными органами, опознан соседями, похоронен за казённый счёт.

А я преобразился, смог открыться в своих чувствах и женился. Сперва у нас мальчик родился, потом девочка, моё солнышко, неведанная зверушка, ты сказочку слушай – кашку кушай, слушайся маму и папу да не будь растяпой! А будешь послушной девочкой, я тебе и не такого абсурда наплету!

СЕДЬМОЙ НОЛЬ. СОВРЕМЕННЫЕ ТРУДНОСТИ

На толстых ветвях могучего дуба, укрывшись в густой листве от людских глаз, сидели два вампира. Солнце совсем недавно передало бразды правления луне, а кровососы уже успели плотно позавтракать, и теперь наслаждались довольно сытостью, ведя неспешную дискуссию.

– Не, Люций, что бы ты ни говорил, а жить в городе лучше, – сказал один из них, болтая свешанными с ветви ногами. – Еда на любой вкус, и никакого тебе мракобесия. Никаких необразованных крестьян, которые чуть чего, и сразу грозятся в тебя кол вогнать. Или начинают гоняться за тобой с вилами и факелами. А священники деревенские? Они ж через одного фанатики. Днём и ночью только и делают, что свои молитвы читают, от которых даже в гробу уши в трубочку сворачиваются.

– В деревне хоть и не такое гастрономическое изобилие, и опасностей побольше, зато всё натуральное. А тут, в городе, одни наркоманы да ГМОшники. – Люций брезгливо скривился, обнажив белоснежные клыки. – Вот, наемни встретил я одну барышню в парке. Загипнотизировал, отвёл подальше в кусты, и только приступил к трапезе, как чувствую странный привкус...

– Опиум? – перебил его вопросом собеседник.

– Да лучше бы он, родимый. А-то ж холестерин! Викентий, ты же знаешь, как он мне противопоказан. Я второе

столетие с лишним весом борюсь. Только-только в любимые брюки влезать начал, а тут такое...

– Ну, будет тебе так убиваться, друг мой. От пары глотков крови толстушки ничего страшного не произойдёт.

– Ага, толстушка. Стройная вся, подтянутая. Думал ЗОЖница, а оказалась фастфудница-анорексичка. – Люций разочаровано выдохнул. – Нет, уеду я. Уеду назад, в деревню, и забуду весь этот кошмар.

– Не боишься, что опять к самогону пристрастишься? – настороженно спросил Викентий.

– Боюсь. Но уж лучше он, мой старый друг – Зелёный Змий, чем проблемы с желудком.

– Ну, не скажи, – возразил Викентий. – Помню я, как мы тебя всем ковенном из полувекового запоя вытаскивали. Куда тебя только не возили. И к монахам тибетским, и к жрецам африканским, и к китайским лекарям обращались – всё без толку. С твоей проблемой даже Кашпировский не справился. Только Антарктический центр реабилитации падших упырей и помог.

– Прошу, не напоминай мне про этот ледяной ад. – Остывшее девятьсот лет назад тело Люция покрылось мурашками. Он начал ёжиться, словно угодил в снежный сугроб, а его острые зубы звонко застучали друг о друга. – Лучше подохнуть от цирроза или в пьяной драке с русскими туристами, чем ещё раз попасть в этот центр.

– Ладно, что мы всё о плохом, – Викентий попытался сме-

нить тему разговора. – Расскажи лучше, как вчера на свидание с Беатрис ходил?

– Лучше бы ты меня с ней вообще не знакомил. Она же не вампирша, а какая-то куртизанка яблочная. Ничего не стесняясь, заявила: пока ты не подаришь мне новый айфон, я с тобой в гроб не лягу! Все уши мне прожужжала про него, и как сильно он ей нужен. А ещё, говорит, что теперь модно засыпать не в гробовой тишине, а под расслабляющую музыку из айподов. И вообще, что у каждого уважающего себя вампира должен быть гаджет с логотипом Дьявола. Тьфу, тупая дура. Без году неделя, как её обратили, а жизни меня учить пытается.

– Ладно тебе, не заводишь. Вся молодёжь нынче такая. И вообще, в чём-то она права. Сейчас и правда, без гаджетов никуда.

– Никуда?! – воскликнул Люций, чем спугнул ворон с соседних веток. Они взлетели большой стаей, громко каркая проклятия в адрес несдержанного кровопийцы. – Зачем они вообще нужны нам – вампирам? Делать тупые селфи на фоне гроба? Может быть едой хвастаться? А что это за мода такая пошла, в церквях чикиниться? Вы что, совсем с ума посходили?

– Зря ты недооцениваешь технический прогресс.

– Ещё скажи, что у тебя тоже телефон есть? – возмущённо спросил Люций.

– Конечно, есть, – спокойно ответил Викентий. – Очень,

кстати, полезная штука. Можно не ждать шабаш, и по скайпу договориться с ведьмами о безбашенной пати. Через специальное приложение можно видеть онлайн, где тусуются оборотни, и не нарваться на них. А можно просто повисеть в вампирском чате.

– Викентий, ты же не столетка какая-нибудь сопливая. Тебе уже седьмая сотня пошла, а всё туда же. Как же наши вампирские традиции, устои, обычаи? Правила, в конце концов? Такими темпами мы выйдем скоро, или того хуже – обратно людьми станем.

– Упаси тебя Дьявол! Люций, что ты такое говоришь! – настало время Викентию повышать голос. – Мир меняется, и мы должны подстраиваться под него.

– Не мир должен менять нас, а мы его! – воскликнул Люций. – Мы – идеальные создания! Мы – вершина эволюции!

Несмотря на громкие во всех отношениях слова Люция, Викентий лишь рассмеялся.

– Ты чего ржёшь?

– Вспомнил нашего общего друга – Влада. – Оскалившись улыбкой, пояснил Викентий. – Так же размышлял, как ты. Пытался он пойти против системы мироустройства. С турками воевать взялся. Помнишь, чем это для него кончилось?

– Не смей вплетать в свою ересь Колосажателя! – вспылил Люций, и его глаза вспыхнули дьявольским огнём. – Он был великим вампиром, до которого всем вам никогда не дорости!

– Люций, брат мой, не стоит так гневаться, – видя состояние собеседника, и зная то, к чему всё это может привести, Викентий поспешил успокоить друга. – Это только беседа. Обычный ночной трёп. Давай закончим всё это, и немного пошалим – убьём кого-нибудь не для еды, а забавы ради?

– Ради забавы? – переспросил Люций.

– Ну да. Нападём на загулявшихся прохожих, и разорвём в клочья... Смотри, нам даже лететь никуда не придётся. Людишки сами к нам идут.

По тропинке городского парка, уткнувшись лицами в светящиеся экраны мобильных телефонов, запинаясь о неровно уложенную брусчатку, шла молодая парочка. Остановившись, они уселись аккуратно на скамейку под «вампириским» дубом.

– Выбирай свою жертву, – любезно предложил Викентий.

– Пожалуй, возьму себе девушку, – сказал Люций, и нацелился на человека с длинными волосами, и миловидным, припудренным лицом.

– Постой. Разве ты не видишь, что это юноша?

На мертвецки бледном лице Люция отобразилось непонимание. Он долго всматривался в беззаботную людскую парочку, и наконец-то промолвил:

– Нет, ну это точно девка. Не может парень такие обтягивающие, цветастые одежды носить. Да и манеры у него женские.

– Пари? – предложил спор Викентий.

– К чёрту пари, – отмахнулся от предложения Люций, и бесшумно слетел вниз.

Неопределённо выглядящая парочка оторвалась на секунду от экранов телефонов. Они синхронно посмотрели на странного мужчину, который появился словно ниоткуда, и снова уткнулись в гаджеты.

– Тебе чего, дядя?

Люций не смог по голосу определить пол человека. Вампир подошёл ближе.

– Ты парень или девка? – прорычал Люций.

– Фу, как грубо, – заявило человеческое существо, и в лицо кровососа брызнула струя едкого перечного газа.

– А-А-А!!! – закричал Люций, закрыл руками глаза, и упал на колени.

– Ну, что, выяснил? – не сдерживая свой звонкий смех, спросил Викентий.

– Садисты проклятые! Нелюди! Что б вас черти разодрали!.. Всё! Уезжаю! Прямо сейчас уезжаю! В деревню! В самую глухую деревню, где нет дорог и электричества! Где люди до сих пор топят печи дровами и молятся двумя перстами!

Люций обратился в летучую мышь, и полетел по направлению железнодорожного вокзала. Викентий проводил его взглядом и, переведя внимание на тусклый экран своего телефона, горестно промолвил:

– Да уж. А жить-то и в правду становится тяжелее.

Индикатор заряда батареи показывал один процент.

ЮРИЙ ТУБОЛЬЦЕВ, ДИАЛЕКТИК. СЕ ЛЯ СЕЛФИ

Рисунок Юлии Ростовцевой

Жили-были Иван-дурак да жена его, Василиса Прекрасная, на краю леса дремучего. И решил Иван этот дремучий лес цифровизировать, чтобы всякое лесное зверье могло в онлайн выйти и селфи сделать. Взял рассаду селфи-палок, уложил в корзину и пошёл в лес. Идёт, ищет место повсходистее. А посреди леса низинка была, где всегда после дождей лужа образовывалась. Думает Иван: пойду к этой луже, там посажу рассаду.

Пришёл, глядь – а вместо лужи целое озеро! Решил он дать озеру название – Эпатаж, от слова «эмпатия». Посадил он рассаду, и вырос целый лес селфи-палок. И набежало к этим селфи-палкам селфи-зверье, зашумел лес от селфи-мычания этого селфи-зверья.

Испугался Иван, что пришёл без фоторужья лес оцифровывать, потому что опасно в нём стало, того и гляди селфи-звери нападут да цифровую подпись подделают – тут и конец настанет его уникальности! А как без уникальности прожить? Решил домой идти побыстрее, да прежде селфи-палок на рассаду набрать надо было, чтобы другие части леса оцифровывать. Срезал одну, в корзинку положил. И тут из зарослей Лесник выходит, хватъ эту срезанную селфи-палку и Ивану по голове – шмяк!

– Ты что, против цифровизации, что ли? – завопил Иван.

– Нет, я за цифровую законность. В оцифрованном ле-

су только лежачий валежник можно собирать, а это стоячие селфи-палки, их нельзя брать!

Осерчал тут Иван и плюнул в Лесника своим коронным вирусом. Того аж заколдобило, и он убежал в заросли, делать перезагрузку. Перезагрузился, да только при загрузке мультizaгрузчик сбойнул, и вместо Лесника появился Сказочник. А тот про цифровизацию ничего не знает, по своей отсталости. Видит, Иван палки какие-то сажает, и решил его уму-разуму поучить. Говорит:

– Уж лучше б ты коноплю посадил! Хоть какой-то прок был бы.

– Коноплю сам сажай! – отвечает Иван. – А мне недосуг, я короноплю сажаю.

– Твоя коронопля – ниже короноплнтуса! У тебя короновиндоус не загрузится, ты не в ту сказку попал! – засмеялся Сказочник.

– Смейся, паяц! – вскричал Иван и затолкал короноплюшку в смешливый рот Сказочника. Сказочника заколдобило, он пошёл на перезагрузку, и загрузилась оболочка Метасказочника.

Метасказочника пронесло, и он доверху закидал озеро Эпатажа абсурдом. Взял Иван метлу, которую Баба-Яга на бережку оставила, и начал сметать смыслы в кучу. Но потом вспомнил, что Баба Яга будет против, и забросил метлу в озеро.

– А была ли метла? – громко спросил кто-то из глубины

озера.

– Хватит умничать, мокрое место, – ответил Иван. – Спроси у Клима Самгина, а мне недосуг. Я сейчас уху буду из смыслов варить, Метасказочника буду угощать.

Тут Метасказочника опять пронесло, и он сказал:

– Валик-джан, я тебе один умный вещь скажу, но только ты не обижайся: ты и она не две пары в сапоге, поэтому Бабу-ягу со стороны брать не будем – воспитаем в своём коллективе. Дело не в дороге, которую мы выбираем: то, что внутри нас, заставляет нас выбирать дорогу. А то я тебе сверну шею и голову и скажу, шо так и було! И шо я в тебя такой влюблённый, а?

– Брысь, мудрое отродье! – говорит Иван. Он понял, что Метасказочник вошёл в режим случайной выборки из базы данных бородатых анекдотов.

– Положение безвыходное! – сказал сам себе Иван в сердцах

– Безвыходных положений нет! – сказала Камасутра, с которой Иван занимался баклушами по вечерам, когда Василисы не было дома. – Потому что выход – это вход, если посмотреть с другой стороны.

– А ты тут чего делаешь? – удивился Иван. Камасутра ответить не успела, потому что подоспевшая Василиса огрела её по заду селфи-палкой, вывалившейся из корзины Ивана. Камасутра убежала в кусты, и больше её в тот день никто не видел.

– Ванька, ты опять мухоморов наелся? А ну, быстро домой, скотина некормленная ревёт, – скомандовала Василиса, и замахнулась селфи-палкой. Но не успела подать тактильную команду, как сказка закончилась.

СЕРГЕЙ КУЛАГИН. ВСЕГО ЛИШЬ

Рисунок с веб-сайта pixabay.com. Бесплатно для коммерческого использования. Указание авторства не требуется

- Всё что они пишут всего лишь слова.
- Всего лишь слова?
- Да.
- А как же стихи – это же красиво?
- Слова ставятся в определённой последовательности

и всё.

– И всё?

– Не более.

– А книги? Героя легко продумать или нет?

– Всё давно уже придумано.

– Это как?

– На планете семь миллиардов человек, писатель просто

описывает одного из них.

– Ты уверен?

– А ты проверь.

– Ну хорошо, а что тогда делать?

– Слушай музыку, она многогранна и намного красивее

слов.

– Там всего семь нот.

– Ты уверена?

– Да.

– Боже, какой приметив... Рисовать пойду.

– Радугу?

– Именно её. В ней все цвета.

– Все-все?

– Да, а ещё есть оттенки.

– Всего лишь оттенки.

– Зато их много.

– Сколько?

– Человек видит только пятнадцать тысяч.

– А остальные?

- Остальные он не видит.
- Примитивы.
- Животные.

Жужжание достало, я взял газету и хрясь, хрясь, хрясь...
Это всего лишь мухи, а мне ещё новый абсурд писать.

СЕРГЕЙ КУЛАГИН. ОСТАНОВКА ИЛИ МУХИ 2

Рисунок с веб-сайта pixabay.com. Бесплатно для коммерческого использования. Указание авторства не требуется

Светлана проснулась первой. Она подлетела к окну, внимательно посмотрела на открывшийся пейзаж и запричитала:

– Что это? Откуда? Я никак не ожидала! Это... это издевательство!

Жужжание подруги разбудили Мухина. Вставать не хотелось. Он спросил:

– Что случилось?

– Ты обещал мне романтическое путешествие, так?

– Ага! – лениво ответил Мухин.

– И горы! Ты обещал мне горы? – свирепея, задала ещё один вопрос Света.

– Ага, а случилось-то чего?

Они познакомились на Курском вокзале, когда он ожидал поезд в родной Таганай. Весёлая и общительная москвичка ему сразу понравилась. Разговорились. Она поведала новому знакомому о любви к горным хребтам. Он рассказал о Большой Каменной Реке, между хребтами Большой и Средний Таганай, где часто отдыхал.

Нагромождение каменных глыб весом в несколько тонн протянулось на много километров в длину. Лёжа на авантюринах различных расцветок, можно было услышать как под «руслom» древних каменных потоков переговариваются горные ручьи. Растений в округе почти не было, лишь отдельно стоящие сосны возрастом более сотни лет. Запах смолы пьянил и возбуждал. Добраться туда было легче лёгкого – дожидаться подходящего туриста, и, взгромоздившись на его рюкзак наслаждаться дорогой. Немного трясёт, но это лучше, чем несколько километров лететь и надеяться, что тебя не сожрёт летящая по встрече птица.

Услышав про птиц, Света тут же пожаловалась на местных пернатых и, прижавшись к Мухину, согласилась на всё возможное и невозможное. Через час они устроились в ку-

не самого быстрого поезда «Москва-Таганай», следовавшего через Челябинск.

Поспать не удалось, Света любила шалить. Лишь насладившись друг другом, они провалились в многочасовой сон. Всё складывалось шикарно и вдруг истерика.

Мухин, расправил крылышки и спланировал с верхней полки на столик. Он и раньше предполагал, что короткоусая двухкрылка, из семейства настоящих мух, ему не пара. Но внешний вид подруги: серая окраска, желтоватая нижняя часть брюшка, четыре черные продольные полоски на верхней стороне груди, и огромные фасеточные глазки, тёмно-красного цвета поразили его своей красотой. «А я обычный поселковый мух», – горестно подумал Мухин.

А может она делает из мухи слона? За окном красивые Уральские горы. Стол накрыт: хлеб, напитки, ягоды и даже два яблока. Мухин умел подбирать попутчиков: полноватый лысеющий мужчина, его жена, дочь и молодая особа, с новомодным журналом в руках. Пять минут назад они вышли на перрон. Журнал являлся самым опасным предметом в купе, но сейчас, когда поезд остановился, а пассажиры вынесли его на перрон, Мухин, не в силах сдержаться, разразился громким жужжанием:

– Дорогая, что не так?

– Ты ведёшь себя как базарная муха! Это невероятно! Ты в окно погляди! Это не Кавказ! Не Кавказ!

У Мухина перехватило дыхание, едва сдержавшись, он за-

говорил стихами:

– Сударыня, о небо, как вы бледны! Вот ягоды, вот хлеб, а за окном для вас цветут цветы.

Двухкрылка закатила глазки и ответила:

– Благодарю, мне ничего не надо. Я не больна, все, что мне нужно – это «Высокая Гора».

– Не смейтесь надо мной! Урал не менее красив.

Постепенно жужжание переросло в воинственный гул, который затих, как только из глубины вагона раздались шаги.

– Дорогая, наша жизнь коротка и полна опасностей, но я готов рискнуть и встретиться с тобой рассвет на Эльбрусе, – тихо прожужжал Михаил.

– Нам нужно будет вернуться в столицу и пересесть на другой поезд?

– Да.

Несколько минут в купе стояла тишина, а потом Света задала ещё один вопрос:

– Большая Каменная Река действительно так жжживописна, как ты рассказывал?

– Дажже краше.

Неожиданно в купе зашли пассажиры. Мужчина открыл окно и две влюблённые мухи покинули поезд.

**ГРИГОРИЙ РОДСТВЕННИКОВ,
САША ВЕСЕЛОВ.
НИЧЕГО КРОМЕ ПРАВДЫ**

Рисунок Юлии Ростовцевой

С потолка с нарастающим комариным писком покатались арбузы, маленькие синие шарики, хилые с анемичными ручками, сложенными на рахитичных животиках ладонью на ладонь, с выражением безоблачной безмятежности на личиках, нежной безмятежности идиотиков.

Так вот ты какой, мир людей. Так вот какова твоя истинная суть. Повнимательнее бы рассмотреть, запомнить.

Вот среди общего хаоса отдельные особи, достигавшие размера теннисного мяча, словно споткнувшись, вдруг, круто меняют траектории, отскакивают от невидимых преград, огибают неразличимые препятствия, и продолжают хаотично двигаться по неведомо кем предписанным законам, пока, наконец, не застынут в воздухе посредине пустоты. Тогда другие, стремящиеся размером к конфетам-драже, просыпанным из плохо закрытой бонбоньерки, подражая стихийному бедствию в виде выпадения осадков – устремляются, стараясь не столько привлечь внимание к своему полёту замысловатостью движения, сколько грохотом, треском бесконечного потока скатывающихся горошин, синева которых вместила в себя весь спектр ультрамариновых преобразований, от прозрачно белых, сквозь наготу которых сияет небо, до мрачно-загадочных в своей лиловости, почти черных шариков, сеемых без конца, без усталости и без усилия.

Внимательнее смотрите на человекoв.

Самыми массовыми участниками представления здесь являются разудалые мячики. Такие, знаете ли, создания, что и не мячики, а скорее шары для боулинга, только без отверстий для пальцев и вовсе не шумных, но столь же решительных, угрожающих, упрямых, они так стремятся прокатиться поближе от вашего лица. Они напористые, дерзкие, но вдруг начинают резво отскакивать прочь, в стороны, когда между ними проплывают угрюмой синей тенью мячи крупнее, массивнее, весомее и значительнее. Они не мечутся, не скачут, а величаво катят свои надутые важностью тела в известном только им направлении. Они величиной с футбольный мяч. Но разве кто-либо решится пнуть их ногой? Кажется, они главные в этом мире синих кругляшей. Только это ошибка. Вот с потолка спускается истинный исполин. По мясистым бокам проскальзывают молнии. Прочие обитатели лишь отражения на его лакированных щеках. Он размером с самый большой надувной ярморочный шар. Это – хозяин, владыка, бог. Он парит под потолком неподвластный никому. Уверенный в своей уникальности.

И вдруг... всё меняется. Две крохотные карамельки начинают отчаянно тужить друг друга. Сыплются крошки, летят в разные стороны маленькие синие осколки. Один такой совсем невзрачный осколок попадает в надутое тело Властелина и тот оглушительно взрывается...

Волна энергии преобразует мир, под потолком нарушается хаотичное движение синих арбузиков, и делит простран-

ство комнаты на две неравные части. Большая часть пуста, а в другой невероятная скученность, давка и теснота. Слышится зловещий скрежет сопрягаемых поверхностей. Воздух насыщается электричеством, запах озона наполняет лёгкие. В ожидании грозного праздника движение ещё сохраняется, но становится намного медленнее, осторожней. Сферы, шары и весь прочий округлый народ стараются привнести в хаос обычных путей своих аккуратность, соразмерность, они летают и катятся с важностью и достоинством на которые не были готовы ещё минуту назад. Они почти замирают. Потом снова деление. Тёмно-синие справа, светло-синие слева. Наверху крупные, мелкота снизу. Ещё круг танца, исполняемого с пафосной грациозностью и снова деление. Наконец, теперь мы видим: они выстроились по ранжиру, в ряд. Сперва огромные, затем с регрессом видимого объёма, теряясь в бесконечности перспективы, вплоть до еле различимых песчинок. Нитка бус, все похожи, световые блики у каждого одинаковой формы, кажется, и цвет поменялся, они одного цвета, одной формы, но размеры разные.

И вдруг общий цвет ещё мгновение назад наполнявший каждого берлинской лазурью, стал насыщаться силой кобальта. Наблюдатель не узнаёт привычный мир синих арбузиков. Он изменился. И я не знаю, хорошо это или плохо, просто констатирую факт. Есть ли в этом мире Бог? И если есть, как выглядит? Лопнувший ярморочный надувной гигант не был Создателем. Порождения не могут убить По-

рождающего. Наблюдатель и сам мог бы сейчас отразиться в зеркальной поверхности синим шаром, но он не этим занят, не это его смущает. Он в сомнении. Он осознает истину, что один он здесь хозяин игры. Он устанавливает правила. И если в мире синих шаров есть правда. Это он, его правда. Он Бог...

...к сожалению, на этом месте рукопись обрывается, публикаторам не известны ни её авторы, ни их замысел, ни причина, оборвавшая манускрипт огромной кляксой чернил, когда-то неосторожно скатившейся с кончика пера маленьким синим шариком...

ЛАНИДА СОКОЛОВА. БЕЗУМНАЯ ОХОТА

Рисунок с веб-сайта pixabay.com. Бесплатно для коммерческого использования. Указание авторства не требуется

– Семён, уже 6:30, пора встать! – мама впорхнула в комнату, вся светясь от счастья.

– Ну ма-а-а-м, я ещё посплю немножко, – пробормотал сонный Сёма, заворачиваясь в одеяло с головой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.